

Литературная газета

ОГРН
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й

№ 23 (4919)

ВТОРНИК, 23 ФЕВРАЛЯ 1965 г.

ЦЕНА 4 коп.

Сегодня—День Советской Армии и Военно-Морского Флота

Виктор КОЧЕВСКИЙ

Советские саперы в Алжире

Солдатское сердце стучит неспокойно,
К далекой дороге готовится взвод...

То ветер Алжира,

Тревожный и зыбкий,

Саперы союзных на помощь зовут.

Уши послышались вададцы колоний,
Оставив среде пустыни и руин
Свой памятный, мистический дар
В индийские

Протирятыми землей, перацинесными миц.

И падают и грекоте дети-агари,
И матери, словно слепые, на зары
Бегут,

И в молчанье не ручи так слабы.

И черен заря африканской развязы.

Так собственные наши страшны фелахи —
Лишь горе на поле дичающим жнут!

...Но пот растворянки, растали страх:

Прошел по Алжиру
Советский днунай.

Он прибыл, посланный великой дружиной,
На дальнину, на трупину огней огней.
Чтоб лемех коры не подернулся ржавой,
Чтоб жизнь возвращалась

К земле немножко.

Хельвицкие хлопцы, сибирские парни
Поля взвылали из будущих бел —
И все благостней,
И все благодарней

Алжирское небо смотрело им вслед...

И к солнцу колосы вились с пашен.

И славу новой и изящной дают

Саперы истории.

Вонами нашими,

Врачующим тяжкие раны земян.

Перевод с украинского
В. БОРЧАТИН

* Днунай (раб). — солдат.

Александр ПРОКОФЬЕВ

...Только вул твой слышал на заре...

И. АСЕЕВ.

Николай Кузнецова я не видел никогда.

...Но земля моей желанья шла желанной страной.

Все в желанье, на желанье, осталось трянь-трава,
Вдали неслася на наших глаголах лишь желаные слова!

Все в огне, огонь да нефть, осталось все зола,

И раскинулась пустыня там, где кипели цвеца.

Там, где рощи красовались, где сверкали города.

...Николай Кузнецова не видел никогда.

Ибо надо он прошел над бездоном,

Чародей и чудоев,

Николай ГРАЧЕВ

Двадцать первого года рождения поэты

И двадцатого года рожденные поэты,

Вы легли на землю, запечатали пантеу,

И вспахали над землей лепестком горница.

Двадцать первого года рожденные поэты,

Вы носили обмотки, плащеты, панчеты,

Саноги на кирины, кубары на петицах,

Пару пристальных глаз на обметренных лицах.

Были оты ваши горки от армейской махорки,

В вещмешках ваших были Островский и Горький;

СТРОКИ ТЕХ ЛЕТ

Воспоминаю, только их затронь,
Проходит бесконечной чередой:
Над Родиной безумствует огонь,
Все поджигает красное белое.

Война и пыль, пыль и пыль...

Шел подчинитель, обладавший

...Им.

Он думал, что сожженная страна

Рассчитывала покорить перед ним.

Но денушки горели на kostрах,
Прямые, непокорные судьбы,
И прятал уши и глаза,

Не страх,

А ненависть и приговор себе,

На пытках медленных шинелей

огонь

И к телу человеческому альбум,

Обугленную скрипучую ладонь.

Никто другу и мольбе не противу.

Рыбаки думали, что пожар погас,

Когда гора им скажет: «Погас!»

Но нет! Огонь горят! Он здесь...

...он и нас.

Он душу раскаляет добрела.

Он стал священной прости,

И крони,

Стал ненавистью, любовью,

Жизнь — миражом — всем.

И как его теперь ни назови,

Уже не погаснет его ничем.

Любое опаленое село,

Как мученик, встыдуло у дорог,

Огонь

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

А писал далее не унесло —

Он селни на наши кудри лег.

Огонь и сотни раскаленных

стрем

Гардеских министров экипажа,

Где черный поддентчик, что

после

Пойти с мечом на наши города.

Я детства помни: скакала есть

одна

Испеканая, старинная — о, сини,

Как ученик полевой колонии

Пусти огонь и сам горел.

На нем...

Газета «Правда Армии».

Юго-Западный фронт.

9 апреля 1943 г.

Константин ВАНШЕНКИН

Далекий свет

Огонь отмыл от развалин,
На бугорах искривтом,
С горючей жидкостью бутылки
Сложили в пищу, и потом,

Тот фронт изодоланий латая,

Установили НПР —

Ерефорт кадровый с Алтая

И подмосковный НПР.

Их руки отмыли просален,

Их ноги перегнали сквозь

Красную землю и песок.

Их головы и руки

Горело ясно и светло.

Был нефтяной пыльный ярок,

Лишил нас наших звездных мост,

И опоясывал их двух широк —

Каси и следы двух давних звезд.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Над пропастью и печально

Дрохома зарево в падах.

И падалася ровный рокот,

Нефтигрохот, все смишил,

То шел на них фантастический робот

Спокойной поступью своей.

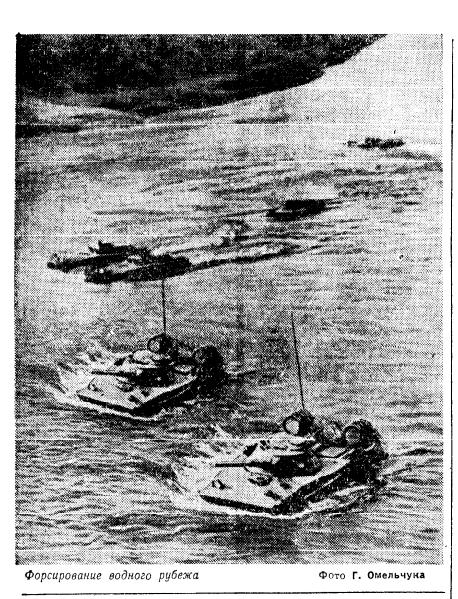
За фронт, за тылы, за ветре и вето,

Неравнин принимал бой,

Там, у равнины, на рассвете,

Прикрыл грудью склон.

И как это было горячо,

Форсирование водного рубежа

Фото Г. Омельчука

Олег БОГДАНОВ

Рота

Рота?
 Это я и это я.
 Это двоюродный кто-то,
 Это дружиная семья.
 Что такое наша рота?
 Ст умов и двери глох.
 Там видят, народы,
 А там видят, народы
 И на всех сдвиг приводят.
 Дан приказ, рота в ходу.
 Всё пройдет — огни и воду,
 Всё пройдет, не закроются.
 Ания вода к концу похода
 В наших флагах закинут...

